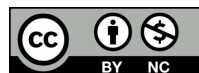

УДК 811.512.15

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>*Оригинальная научная статья*

О сложных случаях этимологизации русских заимствований в телеутском языке

Д. М. Токмашев

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники, Томск, Россия
 kogutei@yandex.ru

Аннотация

Начиная с XVII в. в ходе российского освоения Сибири растет влияние русского языка на языки коренного населения, включая сибирские тюркские языки, в частности – телеутский, в лексике которого появляется слой фонетически и семантически адаптированных русских заимствований – безэквивалентных наименований реалий русской и европейской культуры. Изданные во второй половине XIX в. словари тюркских языков В.В. Радлова и В.И. Вербицкого фиксируют около 70 и 50 телеутских слов соответственно, помеченных как заимствования из русского; современный телеутско-русский словарь Л.Т. Рюминой 1995 г. включает около 35 неотмеченных русизмов. Среди них выделяется слой лексем с неоднозначной этимологией, которые могут быть как русскими заимствованиями, так и иметь более раннее тюркское или евразийское происхождение. Цель статьи – выявить и сопоставить имеющиеся этимологии телеутских слов с неясным статусом происхождения (русское заимствование, заимствование из других языков или исконное). Материалы включают словари XIX века, современные толковые и этимологические словари тюркских и славянских языков. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы. Проанализирована семантика 20 телеутских слов – названий хозяйственных построек, утвари, одежды, продуктов питания – имеющих звуковые и смысловые параллели в русском языке, но не имеющих, на наш взгляд, однозначного статуса заимствований из русских диалектов Сибири в телеутский. Часть лексем предположительно имеет исконно тюркское происхождение, другая часть могла попасть в русский и телеутский языки из других языков Евразии. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении происхождения ряда слов, классифицируемых как русизмы,

© Токмашев Д. М., 2026

в тюркских языках Сибири. Кроме того, работа вносит определенный вклад в изучение русско-телеутских культурно-исторических связей в XVII–XIX вв., а также общую теорию языковых контактов.

Ключевые слова: телеутский язык, русский язык, заимствование, историческая лексикология и лексикография, русско-тюркские языковые контакты, тюркские языки Южной Сибири, этимология, словари, диалектный континуум, интерференция

Для цитирования: Токмашев Д.М. О сложных случаях этимологизации русских заимствований в телеутском языке. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):120–141. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>

Original article

On problematic cases of Russian loanwords' etymology in Teleut

Denis M. Tokmashev

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
Tomsk, Russia

 kogutei@yandex.ru

Abstract

Beginning in the 17th century, during the Russian exploration of Siberia, the influence of the Russian language on the indigenous languages grew, including the Siberian Turkic languages, particularly Teleut, whose vocabulary acquired a layer of phonetically and semantically adapted Russian loanwords – non-equivalent names for Russian and European cultural realities. Dictionaries of Turkic languages by VV. Radlov and VI. Verbitsky, published in the second half of the 19th century, list approximately 70 and 50 Teleut words, respectively, labeled as loanwords from Russian; the modern Teleut-Russian dictionary by LT. Ryumina (1995) includes approximately 35 unmarked Russian lexical loans. Among these, a prominent layer of lexemes with ambiguous etymologies stands out, which may be Russian loanwords or have an earlier Turkic or Eurasian origin. The purpose of this article is to identify and compare existing etymologies of Teleut words with unclear origins (Russian borrowings, borrowings from other languages, or native). The materials include 19th-century dictionaries and modern explanatory and etymological dictionaries of Turkic and Slavic languages. Descriptive, comparative-historical, and contrastive methods were used. The semantics of 20 Teleut words – names of outbuildings, utensils, clothing, and food products – were analyzed. These words have sound and semantic parallels in Russian but, in our opinion, do not clearly represent borrowings from Russian dialects of Siberia into Teleut. Some lexemes are presumably of native Turkic origin, while others may have entered Russian and Teleut from other Eurasian

languages. The theoretical and practical significance of this work lies in clarifying the origins of a number of words classified as Russian lexical loans in the Turkic languages of Siberia. In addition, the work makes a certain contribution to the study of Russian-Teleut cultural and historical intercourse in the 17th-19th centuries, as well as the general theory of language contacts.

Keywords: Teleut language, Russian language, lexical loan, historical lexicology and lexicography, Russian-Turkic language contacts, Turkic languages of Southern Siberia, etymology, dictionaries, dialect chain, interference

For citation: Tokmashev D.M. On problematic cases of Russian loanwords' etymology in Teleut. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):120–141 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>

Введение

Во второй половине XVI в. Россия начинает освоение территорий к востоку от Урала, в ходе которого русский язык проникает в автохтонные сообщества Сибири и Дальнего Востока. С функциональной точки зрения русский, по терминологии Л.Б. Никольского, становится языком-макропосредником, который использовался в качестве койне при общении русских переселенцев с коренным населением, разноязычных групп коренного населения друг с другом, приводил к ситуации местно-русского двуязычия «...в форме русской диалектной речи и языка сибирской народности» [1, с. 102], становился основой для локальных пиджинов и т.д.

Е.А. Хелимский определял русский как «трансевразийский» язык¹, подчеркивая его роль как одного из крупнейших языков, активно влияющих на языковую ситуацию в Евразии. Телеутский язык, как и все тюркские языки Сибири, также испытал значительное воздействие русского языка, в результате чего в лексике телеутского языка сформировался определенный пласт русских заимствований – обозначений новых и актуальных для телеутов реалий, преимущественно безэквивалентных.

Исторически телеуты – один из коренных тюркских народов Южной Сибири – впервые сталкиваются с русскими переселенцами в конце XVI – начале XVII вв. В конце XVI в. телеуты проникают из северных районов Центральной Азии в Юго-Западную Сибирь (предгорья Алтая, Кулундинская степь и лесостепи верхнего Приобья), где организуют раннефеодальное княжество – «телеутскую землю». После постройки

¹ Ромодановская Е.К., Аникин А.Е. Исторический аспект изучения русского языка в Сибири. *Наука в Сибири*. 2007;49(2634). Режим доступа: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phpml?nid=444&id=5> (дата обращения: 20.01.2026).

Томского и Кузнецкого острогов в середине XVII в. часть телеутов переселяется в среднее и нижнее Притомье, и формирует несколько компактных территорий расселения, частично ассимилирует местное аборигенное население «степных окраинных волостей», а также участвует в этногенезе калмаков – субэтнической группы томских татар. В этот же период начинаются этнокультурные и языковые контакты телеутов и русских воевод, крестьян, купцов и т.п.

Первые заимствования из русского языка (русизмы) отмечаются в телеутском в конце XIX в. в словарях В.В. Радлова (1893-1911) [2, 3, 4, 5] и В.И. Вербицкого (1884) [6], хотя их проникновение в лексику телеутского языка, по-видимому, происходило уже с конца XVII в., ср.: «... стабильное присутствие русских в Сибири ведет свой отсчет с конца XVI в.; ошутимое влияние русского языка на аборигенные – с XVII в.» [7, с. 4].

В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлов приводит ряд слов телеутского и алтайского² языков, помеченных как русизмы. Автор выделяет два способа заимствования: **aus dem Russ.**, если речь идет о русском языке как источнике заимствования в целом (напр. тел. *карман* < **aus dem Russ.** ‘карман’) и **aus dem russ.** «...», в целом, по мнению Радлова, источником послужила конкретная грамматическая форма или лексико-семантический вариант русского слова (напр. тел. *обурчын* < **aus dem russ.** ‘огурцы» ‘огурец’). Ниже приведем перечень русизмов в телеутском языке, отмеченных В.В. Радловым.

Том 1: гласные. СПб., 1893 – *атнакы*³ ‘однако, может быть’, *обурчын* < **aus dem russ.** *огурцы* ‘огурец’, *Он* < **aus dem russ.** *Обь* ‘река Обь’, *ыштан* < **aus dem russ.** *итаны*, was seinerseits **aus dem türk.** *ич-тон* ‘штаны’, *улама* < **aus dem russ.** *оглобля* ‘оглобля’⁴.

Том 2: согласные к, қ, кь, ь, г (гь), х, һ, һь. СПб., 1899 – *карұлчык* < **von karұл+чык**, gewiss **aus dem Russ.** entlehnt ‘*сторож, караульщик*’, *карман* ‘карман’, *кабак* < **aus dem russ.** *кабак* ‘кабацкое пиво, вино’,

² Ввиду слабой дифференциации алтайского и телеутского языков в XIX в. мы считаем допустимым учитывать русизмы с пометой Alt. как бытовавшие у телеутов.

³ Графика лемм сохранена в оригинале (т.н. «радловская транскрипция»), русский перевод дается в современной графике; немецкий перевод не приводится. Отмеченные Радловым конкретные варианты мотивирующего русского слова (**aus dem russ.** “...”) и пометки о возможном происхождении слова сохраняются. Мы не приводим ссылок на конкретный том и страницу после каждого слова и ограничиваемся общим указанием источника.

⁴ Ошибочно отнесено автором к русизмам; более вероятным кажется произв. от тел. *ула-* ‘привязывать, надставлять’.

кабыста ‘капуста’, *kojoin* < aus dem russ. *хозяин* ‘купец’, *кылат* < aus dem russ. *клад* ‘куча снопов’, *кунут* ‘кнут, плеть’, *кубаина* ‘квашня’, *клāп* ‘клоп’, *кārān*⁵ ‘корабль’, *крās* ‘крест’, *күн* (апокопа?) ‘купель (при крещении)’, *kilki* ‘клюка, кочерга’⁶, *кїрā* ‘гиря’, *көзөр* < aus dem russ. *козырь* ‘карточная игра’, *көрнөстө* ‘горница’.

Том 3: согласные j, j, j, н, н, р, л, l, т, д, ч. СПб., 1905 – *jädilä* < aus dem russ. *неделя* unter Anlehnung aus *järti sieben* ‘неделя’, *joc* ‘тес’, *tārābīnā* ‘русская деревня’, *толотко* ‘долото’, *точылā* ‘точило’, *төбөт* ‘деготь’, *туба* ‘дуга’, *туро-нобаі* < aus dem Russ. *труба* ‘зрительная труба’, *турпа* ‘труба дымовая’, *тус* ‘туз (в картах)’, *чардак* ‘чердак’, *чалнак* ‘челнок (ткача)’, *чамыдан* ‘чемодан’, *чол* < aus dem russ. *пчела*, *чол арү* ‘пчела’, *чулан* < aus dem russ. *чулан* ‘ограда для скота’, *чулүк* ‘чулок’.

Том 4: согласные ч, ц, з, с, з, ш, ж, ж, п, б, ф, в, м. СПб., 1911 – *шāmčik* ‘жемчуг’, *sāriknā* ‘церковь’⁷, *салам* ‘солома’, *шārābāi* ‘жребий’, *парата* ‘ворота’, *нас* ‘паз в срубe’, *пāнчāt* ‘венчание’, *pāristā*, *pārst* ‘верста’, *pāčāt* ‘печать’, *pāzābān* ‘безмен’, *порос* < aus dem russ. *бросать* ‘?’⁸, *pōrop* ‘погреб’, *поромоі* ‘упрямый, своенравный, упорный’⁹, *пол* ‘пол’, *пот* ‘вот!’, *почко* ‘бочка’, ‘чемодан’, *поско* ‘воск’, *поспо* ‘оспа’, *пожо* ‘вожжи’, *pōlōnko* ‘пеленка’, *pōdūk* ‘петух’, *пык* ‘пух’, *пула-ма* = *улама* ‘оглобля’, *пулта* ‘фунт’, *пут* ‘пуд’, *плāt* ‘платок’¹⁰, *манат* < aus dem russ. *монета* ‘деньги, звонкая монета’, *маркап* ‘морковь’, *mākā* < aus dem russ. *мягкое* ‘булка, белый хлеб’, *mājā* ‘межа, граница’, *мок* ‘мох (для затыкания щелей)’, *mōt* ‘мед’, *мунта* ‘фунт’.

Словарь В.И. Вербицкого также приводит слова с пометкой *русск.*, изредка с указанием конкретного диалекта, в котором они встречаются (в т.ч. телеутского), либо без такового. Например, *пиртне* (к. с русск.) ‘бритва’ – кондомский (шорский), *сирип* (аб. с русск.) ‘сerp’ – абаканский (хакасский), *педрек* (т., н-б. с русск.) ‘ведро’ – теленгутский, нижне-бийский и т.д.

⁵ Источник тел. *kārān* очевидно следует искать в рус. диал. *корабь*, а не в *корабль*, см. [7, с. 292].

⁶ Тел. *kilki* (а также *kūlkū* в словаре В.И. Вербицкого) ‘клюка, кочерга’ можно возводить к косвенной форме рус. *клюка* [7, с. 270]; но нельзя исключить производное на -*кЫ* от тел. *kūl* ‘зола, пепел’, ср. значение ‘кочерга’, либо контаминацию рус. *клюка* и тел. *kūl*.

⁷ < рус. диал. *цёрква* [7, с. 661].

⁸ Радлов не дает перевода тел. *порос* < рус. *бросить*, но приводит пример *порос āttī* ‘он погубил, уничтожил’; семантика и статус заимствования тел. *порос* остаются непонятны.

⁹ < рус. *прямой* [7, с. 491].

¹⁰ < рус. диал. *плат* [7, с. 453].

Для основной массы русизмов диалектная принадлежность не указана, поэтому с долей условности можно считать, что они были известны и употреблялись в т.ч. телеутами. К таковым относятся: *погоро~погорон~пороон* 'погреб', *парата* 'ворота', *оспо* 'оспа', *меже* 'межа', *күрүк* 'крюк, крючок', *күлкү~килки* 'клюка, которой загребают угли в печи, кочерья', *клап* 'клоп', *ыштан* 'штаны', *ыстон* 'штоф', *шечик* 'сборщик податей', *точыла* 'точило', *табартка* 'табакерка', *сүскек* 'закром, сусек', *сундуук* 'сундук', *стене* 'стена дома', *скабра* 'сковорода', *серип* 'серб', *симиттен* 'сметана', *серкве* 'церковь', *сенек* 'сени', *сапок* 'сапог', *самок~самак* 'замок', *салам* 'солома', *сакон* 'закон', *сабайла* 'забавляться, веселиться', *пык* 'пух', *пун~пунт* 'фунт', *прасле* 'прялка', *пöбуске* 'повозка', *потпайла* 'подполье', *посто* 'мост', *поочка* 'бочка', *плат* 'платок', *печет* 'печать', *перст~перисте* 'верста', *пенчет~печет* 'венчание', *пезебен~пезибен* 'безмен', *пас* 'паз в срубе', *остол* 'стол', *огурсым~огурчын* 'огурец', *мынта* 'фунт', *мөт* 'мед', *крес* 'крест', *көшке* 'кошка', *көзир* 'козырь', *книге* 'книга', *колатка* 'цепь, кандалы', *кабак* 'кабацкое вино', *анмар* 'амбар'.

Как непосредственно телеутские и ниже-бийские, В.И. Вербицкий приводит лишь следующие русизмы: *недрек* (т., н-б.) 'ведро', *паста* (т., н-б.) 'делать пазы', *остолмо* (т.) 'столб', *мокто* (т., н-б.) 'мшить (от русск. *мох*)' и *кереп* (т., с русск.) 'корабль'.

После 1917 г. этноним «телеут» и, соответственно, термин «телеутский язык» фактически не употреблялись. Телеуты рассматривались как субэтнос в составе южных алтайцев, а их язык – как диалект алтайского языка. Первый в постсоветскую эпоху телеутско-русский словарь Л.Т. Рюминой-Сыркашевой [8] выходит в 1995 г. В нем также зафиксирован пласт (ок. 30–35 ед.) фонетически и семантически адаптированных русизмов без пометок об источнике заимствования. Например: *калотко* 'улей' (< рус. *колодка*)¹¹, *карис* 'гарус', *кереп* 'корабль', *клат* 'скирда', *көпшик* 'ковш', *көриш* 'товарищ' (?)¹², *күлкү* 'кочерга'¹³, *мылча* 'баня' (< рус. *мыльня*), *огурчын* 'огурец', *орус* 'русский', *оруста-* 'говорить по-русски', *пазар* 'рынок' (?), *пелене* 'белена', *плаат* 'платок', *подқоқ* 'подкова', *поожо* 'вожжи', *поорон* 'погреб', *пөрөк* 'пирог', *пөтүк* 'пелух', *пөс* 'материя' (< рус. *бязь*), *прасле* 'прялка' (< рус. *прясло*), *пут* 'пуд

¹¹ Здесь и далее дополнительные комментарии о происхождении русизмов в словаре [8] – наши со ссылкой на [7].

¹² Можно предполагать рус. *кореш* 'друг' как источник, однако убедительных этимологий рус. *кореш* нет; при этом ср. тел. реципрок от *көр-* 'смотреть' – *көр-үш-* 'встречаться, видаться'.

¹³ Если принимать версию Радлова о происхождении из рус. *клюка*.

(мера веса)', *пық* 'пух', *пықтау* 'пуховый', *салам* 'солома', *сиит* 'сито', *струш* 'рубанок' (< рус. *струж*), *суботқо* 'вязаная рукавица' (< рус. *спотка*), *сырга* 'серьги', *тақта* 'лавка, скамья', *тенке* 'рубль', *тесте* 'тесто', *чулан* 'скотный двор', *чулуқ* 'чулки'.

Изданный в 2002 г. русско-телеутский словарь [9] включает значительно меньше русизмов. Среди них можно отметить, например, такие слова, как *клоп* 'клапы', *тесто* 'тесте', *мох* 'моқ', *гиря* 'киира'; также иногда русизмы встречаются в переводах – толкованиях, не составляя отдельных лемм: *безбилетный* 'пеледи јоқ кижі', *жнейка* 'аш кезетен машина'.

Этимология большей части заимствований не вызывает сомнений. За основной массой русизмов в телеутском языке легко угадывается соответствующий русский этимон с учетом его фонетической адаптации при заимствовании. Она проявляется в гармонии гласных (*тесте* 'тесто'), нерегулярном удлинении русского гласного в закрытом слоге (*клаап* 'клоп', *поочка* 'бочка'), запрете на консонантные кластеры (*серип* 'серп', *ыштоп* 'штоф') и звонкий анлаут (*гиря* 'киира') и др. В ряде случаев отмечается семантический дрейф – *койойын* 'купец' < рус. *хозяин*.

Однако среди слов, заимствованных, как указано в [2, 3, 4, 5] и [6], из русского языка, можно отметить несколько лексем, чья этимология небесспорна (напр. *чулан* 'загон для скота и птицы'). Кроме того, и в современном телеутском языке встречаются слова, чей морфонологический облик как будто указывает на русский как источник заимствования, однако их происхождение допускает иные, в том числе более ранние (из других языков Евразии до контакта с русскими) и «почвенные» (пратюркские) трактовки (напр. *чай* 'чай', *касна* 'государство', *ыштан* 'штаны'). Наряду с этим, встречаются слова, чья морфонология не предполагает факта их заимствования из русского, однако на собственно тюркской или монгольской почве они не этимологизируются, при этом обозначают реалии, вероятно принесенные в Сибирь русскими (напр. *пастӧнкӧ* 'дратва').

Наличие параллельных форм с той же или близкой семантикой в русском языке, особенно в его сибирских диалектах (*амбар*, *штаны*, *казна*, *чулан*, *серьги*, *чушка* в значении 'свинья' и др.), приводит к образованию лексико-семантической диффузии. В этой серой зоне слова контактирующих языков **A** и **B** могут быть как заимствованы из одного в другой (**A** → **B**, **A** ← **B**), так и быть усвоенными из третьих языков-посредников (**A** ← **C** → **B**), как родственных, так и неродственных первым двум.

Этот феномен хорошо известен и в сибирской диалектологии. Ср., например, о тюркизмах в русских диалектах Сибири: «... в ряде

случаев трудно установить, в Сибири ли русские восприняли известные в настоящее время тюркизмы – нельзя забывать, что такие слова, как *казна*, *казначей*, *тамга* (от нее *таможня*), стали известны и распространены на Руси еще в эпоху татаро-монгольского ига»¹⁴.

Важным представляется замечание А.Е. Аникина: «Следует иметь в виду, ... что изучение «заимствованного» и «исконного» не разделено непреодолимой границей, и есть ряд случаев (хотя и небольшой), находящихся в «спорной» зоне [10, с. 6].

А.И. Федоров обращает внимание на переход семантически и фонетически освоенных русскими говорами Сибири тюркизмов в тюркские же языки Сибири как малоизученный вопрос в теории заимствований, приводя в пример, со ссылкой на Е.И. Убрятову, рус. сиб. *варнак* '(беглый) каторжник, разбойник, проказник' > як. *уоруйах* 'вор' || як. *баранаак* < рус. сиб. *варнак* < чув. [11, с. 82]. Для нашего исследования важным также является замечание А.Е. Аникина о том, что «... даже при внешней очевидности русского этимона происхождение многих сибирско-аборигенных слов нуждается в уточнении существенных деталей. К ним относится выявление посредствующих звеньев при диффузии того или иного русизма» [7, с. 7]

Таким образом, на фоне определенного пласта телеутских лексических заимствований, источником которых (безотносительно их этимологии) послужил русский язык, в телеутском языке обнаруживается некоторое количество слов с неясным статусом «заимствовано из русского после XVII в. vs. заимствовано из других языков vs. исконное». Поэтому **целью** данной статьи является выявление и этимологизация таких слов, направление и характер заимствования которых не определен. Для этого в работе ставятся следующие **задачи**:

1. Проанализировать дореволюционные и современные словари телеутского языка на наличие русизмов и провести их количественный и качественный анализ;
2. Выявить слова, допускающие альтернативное происхождение кроме прямого непосредственного заимствования из русского языка в телеутский;
3. Проанализировать происхождение выявленных слов с учетом имеющихся славянских и тюркских этимологий, а также историко-культурного контекста русско-телеутских отношений.

¹⁴ Ромодановская Е.К., Аникин А.Е. Исторический аспект изучения русского языка в Сибири. *Наука в Сибири*. 2007;49(2634). Режим доступа: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=444&id=5> (дата обращения: 20.01.2026).

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении происхождения ряда слов, классифицируемых как русизмы, в тюркских языках Сибири. Кроме того, работа вносит определенный вклад в изучение русско-телеутских культурно-исторических связей в XVII–XIX вв., а также общую теорию языковых контактов.

Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили крупнейшие лексикографические издания по сибирским тюркским языкам середины-конца XIX в. [2, 3, 4, 5, 6], современные словари тюркских языков Сибири, этимологические словари тюркских и славянских языков [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], а также полевые материалы автора. Особое значение для нашей работы имеют этимологические словари русских заимствований в языках Сибири [7] и заимствований из сибирских языков в русском [10].

В работе использовались общенаучные и частно-лингвистические методы – описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, а также методы сплошной выборки и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ словарной выборки лексем, помеченных авторами как русизмы (либо слова, образованные от русских этимонов), а также собственных полевых материалов и наблюдений позволил выявить ряд этимологически неоднозначных слов. В эту группу включены слова, потенциально заимствованные из русского языка, однако сходные этимоны характерны и для тюркских языков, либо для третьих языков, которые могли быть источником и для славянских, и для тюркских. Это слова, направление и характер заимствований которых не определен, ср. выше замечание А.Е. Аникина о «спорной зоне». В телеутском языке к данной группе, предположительно, относятся следующие лексемы:

тел. *абра* ‘телега, повозка’ при рус. *арба*.

В телеутском языке *абра* – ‘конная двуосная телега, повозка’, совпадающее по значению с русским *арба* в значении, распространенном на юге России. В.И. Даль отмечает: «*Арба́, араба́* у русских татар – это русская же крестьянская телега» [19, с. 21]. В современном русском *арба* – название реалии, преимущественно одноосная телега у народов Азии и Кавказа. В русском языке считается тюркизмом, подробно см. [10, с. 93], тюркские этимологии варьируют от исконного слова до арабского заимствования с внешними евразийскими параллелями. Н.К. Дмитриев считает **araba* тюркским словом, рассматривая сам предмет «... как атрибут кочевого образа жизни тюркских племен» [12, с. 164–165]. Тел. *абра* может быть как рефлексом тюрк. **araba*, так и вторичным

заимствованием из русского с метатезой при условии, что русские переселенцы в Сибири пользовались им для обозначения телеги, что менее вероятно, но не исключено полностью.

тел. **анбар** 'амбар' при рус. *амбар*.

В словаре Л.Т. Рюминой отсутствует, однако ср. у Вербицкого «анмар (русск.) *амбар*» [6, с. 25] – тувинская форма, для которой, в отличие от телеутской, вполне приемлема русская этимология [7, с. 67]. У Радлова *анбар* (алт., тел.) – иранизм, попавший в тюркские языки из русского [2, с. 243], М. Фасмер [17], предполагает тюркскую этимологию рус. *амбар* ~ *анбар* < тюрк. *ambar* < перс. *anbār* 'амбар, сарай', однако тюрк. форма с *-н-*, как в телеутском, могла действительно происходить из рус. диал. *анбар* (диссимилятивное от *амбар*), хотя нельзя исключить и непосредственный иранизм (за что говорит отсутствие *-мб-*), попавший в телеутский посредством других тюркских языков, например, татарского.

тел. **қарман** 'карман' при рус. *карман*

Отмеченное у Радлова как русское, тел. *карман* 'карман' (при совр. тел. *сеп* 'карман' < араб. جَيْب *jayb* 'карман'), согласно А.Е. Аникину, действительно восходит к рус. *карман* [7, с. 248]; при этом Фасмер приводит для рус. *карман* различную этимологию, в т.ч. и версию М. Рясанена, связанную с тюрк. **qar-* 'проникать' [17]; таким образом, происхождение тел. *қарман* у Радлова не вполне ясно, но вероятнее всего, заимствовано из русского, как и совр. алт. *карман* 'карман'.

тел. **пөрөк** 'пирог' при рус. *пирог*

Проблематичным является соотношение тюркской и русской форм. В тюркских языках форма **börek* 'пирог; род теста; пельмени и т.д.' разными тюркологами (Г. Рамстедт, М. Рясанен) этимологизируется независимо от славянской как производное от глагола **бөр-* ~ **бур-* 'скреплять, стягивать (напр. края вареников)', либо от **bürü-* 'покрывать' и рассматривают его как источник для рус. *пирог* [13, с. 219]. У Радлова и Вербицкого тел. *пөрөк* не отмечено, а среди тюркских языков А. Е. Аникин приводит якутский – *börüök* 'пирог', которое он относит к русизмам [7, с. 451]. Этимология непосредственно рус. *пирог* также неоднозначна – от праслав. **pirъ* с суфф. *-огъ* [17], возможность сближения которого с тюрк. **börek* Фасмер отрицает из-за отсутствия его в южнославянских языках на фоне крымскотатарских и караимских форм (что, однако, не исключает заимствование чув. *püräk* в восточнославянские, ср. мнение А.В. Дыбо о тюркском происхождении рус. *пирог*, так как его славянские и индоевропейские этимологии неубедительны [20, с. 241–242]).

Можем предположить, что тел. *pörök* является заимствованием из русского, хотя его отношение к исконно тюркской форме непонятно. Поскольку до переселения в Притомье телеуты занимались кочевым скотоводством и не выращивали пшеницу (хотя названия культурных злаков, в том числе и пшеницы, в их языке сохранились хорошо), кажется маловероятным, что у них существовало обозначение для такой реалии, как «пирог», до знакомства с русской культурой.

тел. *пелене* ‘белена’ при рус. *белена*

Телеутская форма явно вторична по отношению к рус. *белена* и является его фонетической адаптацией при заимствовании. О.И. Трубачев возводит рус. *белена* ‘ядовитое растение семейства пасленовых’ к праслав. **belnъ/*belena*, связанному с глаголом ‘бормотать; бредить, галлюцинировать’ [18]. Формы, похожие на тел. *пелене* ‘белена’ у Вербицкого и Радлова отсутствуют, однако у Вербицкого зафиксирован другой фитоним – *пеле* ‘рябина’ [6, с. 252], то же – в словаре Л.Т. Рюминой и у В.В. Радлова [5, с. 1243]. Однако примечательна контаминация (очевидно, из-за фонетической близости) названий белены и рябины в алтайском, ср. «беле – бот. 1. ‘рябина’; 2. ‘белена’; *беленин* *јүрени* ‘семена белены’». В новом русско-алтайском словаре ‘белена’ – *белене* < рус., также *јыракы* *өлөн*. В целом, происхождение тел. *пелене* из рус. *белена* как будто не вызывает сомнений, но его соотношение с *пеле* ‘рябина’ остается неясным.

тел. *пийма* ‘валенки’ при рус. диал. *пимы*

Изначально заимствованное в русский язык из уральских (ср. нен. *pīta* > саам. **pīt* ‘меховые сапоги’ > ? рус. *пимы* ‘валенки’ [7, с. 450–451], тел. *пийма* несомненно отражает рус. *пимы* ‘валенки’, распространенное у сибирских старожилов, которое телеуты переняли вместе с реалией; в словарях Радлова и Вербицкого отсутствует, поэтому вероятнее всего тел. *пийма* заимствовано непосредственно из русского, т.к. культурные контакты телеутов и северных самодийцев до прихода русских в Сибирь маловероятны. Ауслаутное [а] в телеутском передает маркер множественного числа, ср. рус. *блины* > тел. *блина* ‘блин(ы)’.

тел. *салам* ‘солома’ при рус. *солома*

М. Рясянен VEWT: 397; В.И. Вербицкий [6, с. 291] и В.В. Радлов [5, с. 353] считают тел. *салам* русизмом. С ними согласен А.Е. Аникин, приводя гипотезу К. Менгеса о контаминации рус. *солома* и тюрк. *сал* ‘бросать, рассеивать’, отсюда неогубленный гласный первого слога [7, с. 559–560]. Фасмер приводит для рус. *солома* индоевропейские сближения. Вероятно, нужно рассматривать тел. *салам* как русизм; его сближение с тюрк. *саман* ‘солома’ неприемлемо как ареально (в сибирском

регионе не отмечено; отмеченное у Вербицкого тел. *саман* ‘время’ – омоним; слово, вероятно, бытовало у группы телеутов, вошедших в состав томских татар), так и морфонологически из-за перебоя *л~м* в инлауте.

тел. *сырга* ‘серьги’ при рус. *серьга*

Существующие этимологии как тюрк. **syrya* ~ **usyrya*, так и русск. *серьга* проблематичны; Э.В. Севортян предлагает, наряду с попыткой сближения **syrya* с тюрк. *ас-* ‘вешать’, искать прототип тюркского слова в русском языке или обращаться к другим источникам [14, с. 446], напротив, Фасмер считает русское *серьга* булгаризмом (< др.-чув. **sürüy* ‘кольцо’); Брандт рассматривает тюркское *сырга* как заимствование из русского *серьга*, а Рясянен – наоборот, как основу для него [17].

Таким образом, вопрос о том, считать ли тел. *сырга* русизмом, остается открытым; в пользу исконного характера слова в телеутском языке как будто говорит его форма с гласным заднего ряда, тогда как при его происхождении от рус. *серьга* ожидаемой была бы форма *серге* или *сирге*.

тел. *тенке* ‘рубль’ при рус. *деньги*

В словаре Л.Т. Рюминой ‘рубль’ – *тенке*, см. также у Радлова тел. *тенке* ‘монета’ [4, с. 1055] без помет о заимствовании из русского. В речи телеутов слово нами не отмечено, в значении ‘русский рубль’ употребляется слово *салқой* < рус. *целковый*; возможно, тел. *тенке* – рефлекс тюрк. **täñkä* ‘деньги; монета’. М. Рясянен считает его тюркским заимствованием в русском языке (**täñkä* > russ. *деньга* ‘Geld’ [15, с. 474]), а Г. Дерфер – наоборот, из русского [7, с. 170], соответственно, происхождение тел. *тенке* остается спорным.

тел. *түўс* ‘туес’ при рус. *туес*

Слово широко распространено в сибирских языках в значении ‘берестяной короб’ (с вариациями), см. [7, с. 618–619]. В словаре Вербицкого вм. *түўс* отмечено тел. *тосток* ‘короб’ и *тозок* ‘берестяной кузов’ < тел. *тос* ‘береста’ [6, с. 367], ср. также диминутивное тел. *түўзек* ‘туесок’ (либо напрямую из рус. *туесок*). У Радлова тел. *tūs* – ‘туес из бересты’ [4, с. 1578], без пометы о заимствовании. А. Е. Аникин считает коми **tōjis* ‘туес’ исходным для сиб.-рус. диал. *туес* с передачей закрытого *ō* через русское *у*, восходящее к прауральскому **tojэ* ‘береста’ [7, с. 619]. Таким образом, тел. *түўс* могло попасть в телеутский как из русских диалектов, так и напрямую из сибирских языков (как уральских, так и посреднических тюркских).

тел. *чай* ‘чай’ при рус. *чай*

Название чая (сев. кит. 茶 [chá]) относится к бродячим культурным словам Евразии и распространено во всех тюркских языках. Чай

в Россию пришел «... не из Европы, а через Сибирь, где пролегали торговые пути в Китай и Среднюю Азию» [7, с. 665], соответственно, в сибирские тюркские языки (кроме якутского и долганского) слово могло проникнуть еще до его заимствования в русский или одновременно с ним. А. Е. Аникин приводит пласт урало-алтайских и палеоазиатских названий чая в языках, распространенных севернее Чайного пути, источником которых послужил русский язык. По его гипотезе, в сибирские тюркские языки название чая могло попасть из китайского через языки Индии, и далее попасть в иранские (отсюда конечный [j]), а из них – в тюркские: шор., тув. *шай*, алт., тел., хак. *чай*, сиб.-тат. *чай* ~ *цай* и т.д. [7, с. 665]. У Вербицкого [6, с. 423] и Радлова [4, с. 1825] отсутствуют пометы о заимствовании из русского для тел. *чай* (что, впрочем, не означает уверенности авторов в том, что это слово – не русизм). М. Фасмер пишет о рус. *чай* как о тюркизме [17].

Таким образом, ничего как будто бы не противоречит гипотезе о нерусском происхождении тел. *чай*. Однако нет достоверного подтверждения знакомства телеутов и других южных и северных алтайцев с чаем до контактов с русскими, этот напиток не отражен в их фольклоре (в отличие от, например, тувинцев и монголов, чай к которым попадал непосредственно от китайских купцов, см. [21, с. 143]). У телеутов чай, наряду с сахаром, пряностями, тканями, порохом, дробью и т.д. был предметом меновой торговли с русскими, отсюда велика вероятность происхождения тел. *чай* из русского языка, но полной уверенности в этом нет.

тел. *чара* ‘большая чаша’ при рус. *чарка* (уменьш. от *чара*) и монг. *цара* ‘чаша с ножками’.

С фонетическими вариациями название чаши, рюмки, стакана (и – метонимически – порции водки, вина) встречается в урало-алтайских языках северной Сибири как заимствованное из рус. *чарка*, уменьш. от *чара* [7, с. 669], при этом русское слово, отмеченное уже в текстах XII в., могло быть заимствовано из тюрко-монгольского *čara* ‘большая чаша’. М. Фасмер приводит для рус. *чара* индоевропейские сближения (др.-инд. *cariṣ*, др.-исл. *hverr* ‘котел’ и т.д.) [17], отмечая, что у восточных славян источником могло быть тюрк. *чара*. У Вербицкого [6, с. 426] и Радлова [4, с. 1861] также тел. *чара* ‘большая чашка’ (без помет). Все случаи заимствования рус. *чарка* в языки Сибири сохраняют -к-, в том числе в тюркских, ср. тат. *čärkä* ‘чарка, рюмка’ < рус. [4, с. 1969], тел. форма *чара* (без -к-) говорит в пользу ее исконного, незаимствованного характера.

тел. *чарым* ‘наст’ при рус. диал. *чарым* ‘наст’ и письм. монг. *сар* ‘снежная корка’

В словаре Л.Т. Рюминой не зафиксировано, у Вербицкого *чарым* – ‘наст (замерзшая весною поверхность снега)’ без указания на диалект [6, с. 426], то же у Радлова, но с пометой (Tel.) [4, с. 1865]. Для русского *чарым* в качестве источника Аникин предполагает коми *чарӧм* ‘наст’, связанного с саам. *čar^ava-* ‘затвердевший снег’, сомневаясь в тюрко-монгольском происхождении (тел. *чарым*, письм.-монг. *čar* ‘наст’ < праалт. *čar(ʌ)* ‘наст’) уральских форм; телеутское *чарым* он считает русизмом [10, с. 646–647], не связанным с монг. *čar* ‘наст’ [7, с. 670]; параллель телеутской формы с монгольскими приводится в [16, с. 30]. Соотношение тел. и рус. *чарым* на фоне тюрко-монгольских рефлексов праалт. *čar(ʌ)* остается непонятным.

тел. *чочқо* ‘свинья’ при рус. диал. *чушка* ‘свинья’

Обозначение свиньи в ряде тюркских языков (алт., тел. *чочко*, шор. *шоиқа*, чул. *чочка* ~ *щоиқа*, хак. *сосха*, тат. *чочка*) семантически и фонетически сближается с рус. диал. *чушка* ‘свинья’ < уменьш. от *чуха* < праслав. **čik-* ‘звукотрагание для подзывания животных’ [17]. Аникин считает русскую форму исходной для ряда заимствованных слов в языках северо-восточной Евразии (як. *čōski* ‘поросенок’, *čūska* ‘свиноматка’, эвенк., орок. *чуускэ*, нег. *чууска*, ительм. *ч’уска* ‘свинья, чушка’ и т.д.) [7, с. 695–696], однако сомневается в происхождении русск. *чушка* от тюрк. *čōčqa* ‘свинья’, при этом в отдельных русских диалектах Тобола и нижнего Иртыша слово *ч’учка* ~ *чучкá* ~ *чушка* ‘свинья’ является тюркизмом. М. Ряснен считает тюркскую форму исходной для рус. *чушка*, этимологически связывая тюркскую основу с тур. *čōžuk* ‘детеныш животного’ ~ *čižuуа* ‘поросенок’ [15, с. 113]. Тел. *чочқо*, вероятно, не является заимствованием рус. *чушка*, но полностью исключить это нельзя.

тел. *чулан* ‘стая; загон для скота’ при рус. *чулан* ‘кладовая; клеть; часть сеней’

Радлов относит это слово к русизмам, ср. тел. *чулан* aus dem russ. *чулань* ‘ограда для скота’ [4, с. 2175], у Вербицкого помета (русс.) отсутствует: тел. *чулан* ‘двор скотный, ограда’ [6, с. 436]. Аникин приводит две противоположные точки зрения – как русизм в тюркских языках и как тюркизм – в русском, отвергая исконно славянский характер слова [7, с. 691]. Вероятно, в отдельных тюркских языках возможно вторичное заимствование рус. *чулан* (тат. *čölân* < ? рус.). Фасмер придерживается версии о тюркском происхождении рус. *чулан* как заимствование в зн. ‘перегородка’ > ‘клеть; кладовая’. Таким образом, тел. *чулан* может быть как русизмом, так и исконно тюркским словом. В некотором смысле в пользу заимствования из русского можно считать то, что исторически телеуты, вероятно, не занимались стойловым скотоводством.

тел. **чулуқ** ‘чулки’ при рус. *чулки*

Слово отмечено у Вербицкого как телеутское – *чулуқ* ‘чулок’ без пометы (русск.) [6, с. 436], в отличие от Радлова, который считает, что тел. *чулұқ* – *aus dem russ. чулокъ* [4, с. 2175]. Аникин приводит различные точки зрения на соотношение русского *чулки* и аборигенных слов: в ряде уральских и палеоазиатских языков, а также в якутском, источником слова, предположительно, стал русский язык, который, в свою очередь, мог ранее заимствовать его из тюркских языков. В отличие от Радлова, Рясянен считает тел. *чулуқ* не русизмом, а исконным словом, родственным тюрк. **čūglā-* ‘свертывать, запутывать’, ср. также гомогенное тел. *чуу* ‘пеленка’; напротив, тат. *чөлкө* ‘чулки’ Радлов выводит из русского [7, с. 691–692]. Фасмер считает рус. *чулок* тюркизмом [17]. На исконность тел. *чулуқ* могла бы косвенно указывать долгота гласного первого слога как результат падения конечнослогового гуттурального: **čūgluk > čūluk*; это требует отдельного исследования.

тел. **шикир** ~ **сақар** ‘сахар’ при рус. *сахар*. ~ письм. монг. *šikir*

Вероятно, в телеутском существовали два слова для обозначения сахара: в словаре Л.Т. Рюминой – *шикир*, *de facto* – *сақар*; второй вариант явно русского происхождения. Несмотря на общую этимологию (от пали *sakkharā* и др.-инд. *śārkarā* ‘гравий; (сахарный) песок’), пути проникновения *шикир* и *сақар* в телеутский были различны. Последний вариант заимствован из русского, в который он проник через греческий *σακχαρον* > др.-рус. *сахарь* > рус. *сахар*. Вариант *шикир* заимствован, вероятно, из монгольских форм с начальным *ч-ш* через перс. *šākār* > письм.-монг. *šikir* > тел. *шикир* [7, с. 532]. Альтернативным источником формы с начальным *ш* в телеутском могло также стать тат. *šikār*, проникшее в телеутский язык после переселения части телеутов в Поволжье в середине XVIII в. [22, с. 14].

тел. **ыштан** ‘штаны, брюки’ при рус. *штаны* и тюрк. *ičton* ‘подштанники’

Тюркское *ičton* ‘нижнее белье, подштанники’ надежно этимологизируется на собственной почве как композита *ič* ‘нутро; внутренний’ + *to:n* ‘верхняя одежда’, Рясянен говорит о его заимствовании в рус. > *штаны* [15, с. 488]. У Рюминой *ыштан* не фиксируется (ср. тел. *чампар* ‘брюки’), однако ср. у Вербицкого *штан* ~ *ыштан* ‘штаны’ (оба слова без диалектных помет, последний вариант с пометой русск.). У Радлова *ыштан* отмечено как алтайское и телеутское, вторично заимствованное из русского [2, с. 1402]. Вероятнее всего, тел. *ыштан* < рус. *штаны*, в пользу чего говорит [а] второго слога в тел. *ыштан* (с протетическим [ы] для компенсации запрета на стечение согласных

в анлауте), хотя Г. Дерффер допускал незаимствованный характер алт. и тел. *yŝtan* [7, с. 716].

Кроме вышеперечисленной лексики, имеющей (потенциальные) параллели в телеутском и русском языках, в телеутском отмечаются слова, обозначающие культурные реалии и не выводимые из тюркских и монгольских языков, но не имеющие при этом явных русских параллелей. Например, тел. *пастӧнкӧ* – ‘дратва’, т.е. толстая крученная нить для изготовления и ремонта обуви – название реалии, вероятно, неизвестной телеутам до контактов с русскими. Логичным представляется искать источник тел. *пастӧнкӧ* в русской диалектной лексике, связанной с шитьем одежды и обуви. В словаре В.И. Даля «басон *м. фрнц.* – тесьма, особ. шерстяная, для нашивок на служительскую одежду, для обивки езжалой и сиделой утвари и пр» [19, с. 53]. Можно предположить, таким образом, что тел. *пастӧнкӧ* < рус. *басон* + *ка*, т.е. *басонка* как диалектное название тесьмы и шнурков. Для телеутской формы характерны оглушение начального смычного, эпентетическое [т] и сингармонизм во втором и третьем слогах, что характерно для заимствований, содержащих [е] и [о], ср. тел. *чиблӧнкӧ* < рус. *цыпленок*.

Заключение

В телеутском языке зафиксировано некоторое количество культурной лексики, потенциально проникшей как из русского, так и посредством иных контактных языков, либо исконно тюркской, но при этом имеющей гипотетические параллели в русском языке. Основная масса заимствованных из русского или посредством русского языка телеутских слов этимологически прозрачна и фонетически адаптирована под нормы языка-реципиента. Однако на их фоне выделяется небольшой слой лексики, чья этимология допускает различные трактовки, а соотношение телеутского и русского слова остается дискуссионным. Прежде всего это слова, для которых постулируются собственно-тюркские этимологии; в этом случае они могли быть заимствованиями вида как *тюрк.* > рус. > тел., так и *тюрк.* > рус || тел. Кроме того, допускается заимствование отдельных слов из прочих сибирских языков (особенно уральских) отдельно в русский и телеутский языки, либо в телеутский через русский.

Этимологическое соотношение рассмотренных выше слов с русскими эквивалентами можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

**Потенциальное происхождение русизмов с проблемной этимологией
в телеутском языке**

Table 1

Possible origin of etymologically vague Russian loanwords in Teleut

А	В	направление заимствования			
		А ← В	Тю. → В	А ↔ В	А ← С
<i>сақар</i> ‘сахар’	<i>сахар</i>	+			
<i>шикир</i> ‘сахар’					+
<i>ыштан</i> ‘штаны,’	<i>штаны</i>	+	+	+ (?)	
<i>чулуқ</i> ‘чулки’	<i>чулки</i>	+ (?)	+ (?)	+	
<i>чулан</i> ‘стайка; загон для скота’	<i>чулан</i>	+		+ (?)	
<i>чочқо</i> ‘свинья’	<i>чушка</i>		+ (?)	+	
<i>чарым</i> ‘наст’	<i>чарым</i> (диал.)	+		+ (?)	+ (?)
<i>чара</i> ‘чаша’.	<i>чарка</i>		+ (?)	+	
<i>чай</i> ‘чай’	<i>чай</i>	+		+ (?)	+ (?)
<i>түүс</i> ‘туес’	<i>туес</i>	+			+ (?)
<i>тенке</i> ‘рубль’	<i>деньги</i>	+ (?)	+	+	
<i>сырга</i> ‘серьги’	<i>серьга</i>		+ (?)	+ (?)	
<i>салам</i> ‘солома’	<i>солома</i>	+		+ (?)	
<i>пийма</i> ‘валенки’	<i>пимы</i> (диал.)	+			+ (?)
<i>пелене</i> ‘белена’	<i>белена</i>	+		+ (?)	
<i>пөрөк</i> ‘пирог’	<i>пирог</i>	+	+ (?)	+ (?)	
<i>қарман</i> ‘карман’	<i>карман</i>	+		+ (?)	
<i>анбар</i> ‘амбар’	<i>амбар</i>	+			+ (?)
<i>абра</i> ‘телега’	<i>арба</i>	+	+ (?)		
<i>пастөнкө</i> ‘дратва’	<i>басонка</i> (?) (диал.)	+			

А – телеутский; В – русский; Тю. – тюркские языки; ← / → заимствовано из / в;
↔ неустановленное направление заимствования; С – другие языки

В статье приводится лишь часть телеутской лексики, попадающей в «серую зону», неизбежно возникающую при изучении языковых контактов и лексических заимствований из одного языка в другой. Приводимые гипотезы об их происхождении не претендуют на истинность и допускают иные историко-этимологические трактовки.

Сокращения

алт. – алтайский
араб. – арабский
диал. – диалектный
др.-инд. – древнеиндийский
др.-исл. – древнеисландский
др.-рус. – древнерусский
др.-чув. – древнечувашский
ительм. – ительменский
монг. – монгольский
нег. – негидальский
нен. – ненецкий
орок. – орокский
перс. – персидский
письм. монг. – письменный монгольский
праалт. – праалтайский
праслав. – праславянский
рус. – русский
саам. – саамский
сиб. – сибирский
сиб.-тат. – сибирско-татарский
тат. – татарский
тел. – телеутский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
хак. – хакасский
чул. – чулымско-тюркский
шор. – шорский
эвенк. – эвенкийский
як. – якутский

Литература

1. Федоров А.И. Языковая ситуация в Сибири и ее изучение. *Сибирский филологический журнал*. 2010;(2):100–107.
2. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 1: гласные*. СПб. 1893.
3. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 2: согласные к, к, ќ, б, з (ǰ), х, һ, һ́*. 1899.
4. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 3: согласные ј, ј́, ј́, н, н, р, л, л́, т, д, ч*. Санкт-Петербург. 1905.
5. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 4: согласные ч, ц, з, с, з, ш, ж, ж́, п, б, ф, в, м*. Санкт-Петербург. 1911.
6. Вербицкий В.И. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Казань. 1884.
7. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск. 2003.
8. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеутско-русский словарь*. Кемерово. 1995.
9. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Рюмин Н.М. *Русско-телеутский словарь*. Кемерово. 2002.
10. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Москва, Новосибирск. 2000.
11. Федоров А.И. Русский язык в Сибири. *Вопросы языкознания*. 1982;(2):81–89.
12. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука. 1974.
13. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «Б»*. Москва: Наука. 1978.
14. Левитская Л.С., Благова Г.Ф., Дыбо А.В. и др. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»*. Москва: Восточная литература РАН. 2003.
15. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. 1969 (на нем.).
16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика* / ред. Э.Р. Тенишев. Москва. 2001.
17. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. В 4 т.* М.: Прогресс. 1986. Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 01.02.2026).

18. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / ред. О.Н. Трубачев. Москва. 1974 – н.в. Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja> (дата обращения: 01.02.2026).

19. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Санкт-Петербург, Москва: М.О. Вольф. 1880.

20. Дыбо А.В. Тюркские и славянские языки: история взаимоотношений. *Балто-славянские исследования – XXI*. 2021:229–265.

21. Шараева Т.И., Айыжы Е.В. Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев. *Новые исследования Тувы*. 2019;(4):140–153.

22. Кимеев В.М. *Исторические судьбы телеутов*. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та. 2017.

References

1. Fedorov AI. The language situation in Siberia and its study. *Siberian Journal of Philology*. 2010;(2):100–107 (in Russian).

2. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 1: Vowels*. Saint Petersburg. 1893.

3. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 2: Consonants k, κ, к, ѓ, з (ǰ), x, h, ѡ*. Saint Petersburg. 1899.

4. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 3: Consonants j, ѓ, j, н, н, p, л, l, m, ѓ, ч*. Saint Petersburg. 1905.

5. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 4: Consonants ч, ц, з, с, з, ш, ж, ѡ, н, б, ф, в, м*. Saint Petersburg. 1911.

6. Verbitskiy VI. *Dictionary of Altai and Aladag dialects of Turkic language*. Kazan. 1884 (in Russian).

7. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian loans in Siberian languages*. Novosibirsk. 2003 (in Russian).

8. Ryumina-Syrkasheva LT, Kuchigasheva NA. *Teleut-Russian dictionary*. Kemerovo. 1995 (in Russian).

9. Ryumina-Syrkasheva LT, Ryumin NM. *Russian-Teleut dictionary*. Kemerovo. 2002 (in Russian).

10. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberian. Uralic, Altaic and Paleo-Siberian lexical loans*. Moscow-Novosibirsk. 2000 (in Russian).

11. Fedorov AI. Russian language in Siberia. *Topics in the Study of Language*. 1982;(2):81–89 (in Russian).

12. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases*. Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).

13. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”*. Moscow: Nauka. 1978 (in Russian).

14. Levitskaya LS, Blagova GF, Dybo AV, et al. *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”*. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences. 2003 (in Russian).
15. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. 1969 (in German).
16. *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Lexicon* / ed. E.R. Tenishev. Moscow. 2001 (in Russian).
17. Vasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. In 4 volumes. Moscow: Progress. 1986. Available at: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (accessed: 01.02.2026) (in Russian).
18. *Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Collection* / ed. ON. Trubachev. Moscow. 1974–present. Available at: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja> (accessed: 01.02.2026) (in Russian).
19. Dahl VI. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 1. Saint Petersburg, Moscow: M.O. Wolf. 1880 (in Russian).
20. Dybo AV. Turkic and Slavic languages: history of relationships. *Balto-Slavic studies – XXI*. 2021:229–265 (in Russian).
21. Sharaeva TI, Aiyzhy EV. Tea in the traditional culture of Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2019;(4):140–153 (in Russian).
22. Kimeev VM. *Historical destinies of the Teleuts*. Kemerovo: Publishing house of Kemerovo State University. 2017 (in Russian).

Об авторе

ТОКМАШЕВ Денис Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра иностранных языков, Гуманитарный факультет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus Author ID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302; e-mail: kogutei@yandex.ru

About the author

Denis M. TOKMASHEV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus Author ID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302; e-mail: kogutei@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2026

Принята к публикации / Accepted 04.03.2026